

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

4 УН
Р-3111

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свинникова, Щенкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ
съ доставкой. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъ Гейне. П. Я. Лебедева. — * * * Стихотв. В. И. Вердеревскаго. — Московская Травіата. Повѣсть С. П. К — на Утро у секретаря. Сцены. К. Бабикова. — Петербургскій Телеграфъ. А. К. Злова. — На смерть Фита-Буки. П. Гречникова. — Два политипажа. А. С. Любовникова и К. И. Исакова. — Городская хроника. Не Я. Политипажъ

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Сплю ли днемъ я по привычкѣ,
Иль мечтаю въ тѣмѣ почтой,
У себя я слышу въ сердцѣ
Постоянно хохотъ твой....

*

Это было въ Монморанси:
Ты засѣла на осла
И дорогой вдругъ въ репейникъ
Покатилася съ сѣдла.

*

А осель себя спокойно
Сталь репейникъ пожирать....
Хохотъ милый твой я долго
Буду въ сердцѣ сохранять.

И. ЛЕБЕДЕВЪ

* * *

Онъ, святотатствуя, зоветъ ее Мадоной
И жарко молится и плачетъ передъ ней —
И лжетъ въ безуміи душою искушоной,
Весь подъ вліяніемъ встревоженныхъ страстей.

Она жь, неопытной душой ему внимая,
Бойтся веру дать рѣчамъ его живымъ,
И съ тайною тоской его благословляя,
И жарко молится, и плачетъ вмѣстѣ съ нимъ!...

Владиміръ Вердеревскій.

МОСКОВСКАЯ ТРАВИАТА.

Посвященіе

Ж — ѣ Ф — ѣ Б — ой.

Ты непремѣнно хотѣла, мимолетный капризъ моей, хоть и не слишкомъ далекой, но увы! безвозвратно промелькнувшей молодости, увидѣть въ печати исторію, которую намедни разсказалъ я тебѣ. Да будетъ же воля твоя — въ послѣдній разъ. Но помни, не исправимая шалунья, что ты обязалась, въ благодарность, повѣдать мнѣ, какъ на духу, твою собственную, не апокрифическую, повѣсть. И мы обнародуемъ ее, ужь конечно, не для поученія потомства, которое ничему у предковъ учиться не хочетъ, а для обогащенія печати достоверными признаніями женщины — рѣдкостію не послѣдней.

Авторъ.

*

Нѣсколько лѣтъ встрѣчалъ я въ Москвѣ, то на улицѣ, то въ театрѣ, то гдѣ-нибудь на гуляньѣ, женщину, которая, по моей несчастной слабости ко всякой красотѣ, не могла не обратить на себя все мое вниманіе.

Не нужно было спрашивать, къ какой категоріи принадлежить она. Это была одна изъ тѣхъ дамъ, которыхъ не такъ давно принято у насъ называть камелиями, а въ самоновѣйшее время переименовали въ травіаты, съ тѣхъ поръ, какъ прошумѣвшій нѣкогда романъ Дюма-сына послужилъ темою для извѣстной оперы сеньйора Верди. Нѣтъ и десяти лѣтъ, кажется, этихъ дамъ просто называли содержанками.

На особу, о которой я говорю, невозможно было смотрѣть безстрастно. Вся ея фигура бросалась въ глаза неволью. Прекрасный ростъ; удивительный складъ;

чудесная ручка; бархатные черные глаза; рѣсницы, какъ говорятъ, соболю; роскошные черные волосы, начинавшіеся почти отъ самыхъ глазъ и какимы-то особеннымъ манеромъ переплетенные съ синеватыми жилками, которыми сквозила тѣжная до прозрачности кожа лба; тонкій небольшой носикъ съ нѣскольکو приподнятой позднею и снѣій бѣлокъ, всегда напоминавшіе мнѣ арабскую лошадь; удивительный ротъ, какъ у какой-то Психеи, гдѣ-то мною видѣнной; чрезвычайно граціозная изогнутость задней линіи шеи и правильность постава плечъ: все это, мало-по-малу разсмотрѣнное, составляло, вмѣстѣ взятое, очаровательное цѣлое; а если случалось услышать голосъ этой женщины, грудной контральтъ, онъ звучалъ въ ушахъ долго и послѣ. Сидя или стоя, она была обворожительна. Только не нужно было видѣть ее идущею. Но кто не знаетъ, что изъ женщинъ... не чистокровныхъ, какъ можетъ-быть подумали бы на моемъ мѣстѣ Балзакъ и Лермонтовъ, умѣютъ ходить Француженки—по тротуару и полу, да Азіятки по горамъ и травкѣ-муравкѣ.

Я сказалъ, что встрѣчалъ красавицу всюду. Раза дватри случалось, она пропадала у меня изъ виду на довольно долгое время—на нѣскольکو мѣсяцевъ. Я не слѣдилъ ея и не искалъ, и волею былъ думать, что когда она не явится въ то мѣсто, куда почему-нибудь попалъ я. Видалъ я ее, сколько помнится, все съ разными лицами, и, не интересуясь ею до желанія узнать ее лично, какъ оттого, что никогда не ощущалъ влеченія къ особамъ сомнительнаго существованія, такъ и потому, немпожко, что побаивался, ежели познакомлюсь, слишкомъ невыгодно испытать на себѣ силу ея несомнѣнной красоты, — я и не зналъ хорошенько, держится ли она постоянного благодѣтеля, или переходить изъ рукъ въ руки, подобно манежной лошади, отдаваемой съ прокату. Слышалъ я какъ-то и гдѣ-то, что кто-то называлъ ее Юлинькой. Но всякій разъ, когда мы встрѣчались, ея красота вызывала во мнѣ нескончаемую вереницу размысленій. Я непрерывно вспоминалъ выраженіе, не знаю кому принадлежащее: «въ каждой глыбѣ мрамора таится прекрасная статуя и Богъ вѣсть сколько чудесъ искусства. Вся штука въ томъ, чтобы умѣть произвести ту и другія». — «Въ этой красотѣ, думалъ я, сколько задатковъ счастья, не подлежащаго описанію, было вложено природою! А на что пошла эта красота? Что сдѣлали люди изъ этого мрамора? Господи, что еслибы этой женщиной быть порядочной женщиной! Что еслибы эта красота дѣйствительно имѣла право глядѣть всѣмъ прямо въ глаза, и женщина подъ этимъ условіемъ полюбила бы человѣка. Какимъ блаженствомъ надѣлила бы она его, какое неземное сіяніе разливала бы вокругъ себя! И нужно ей было настъ!»...

Размысленіямъ моимъ, при видѣ ея, не бывало предѣла. Но сколько я всегда восхищался, глядя на нее, столько же бывалъ радъ, когда ея передо мною не было. По истинѣ, не зная о ней ничего, я, кажется, лучше другихъ чувствъ къ ней, питалъ боязнь.

Съ годъ тому назадъ я уѣхалъ изъ Москвы,—и вернулся чѣтъ еще и трехъ мѣсяцевъ.

Одинъ изъ первыхъ моихъ выѣздовъ былъ къ моему старинному пріятелю, товарищу дѣтства и службы, Ивану Степаньчу М — ну.

Къ пекрешему горю и изумленію, я засталъ М — на едва живаго и окончательно приговореннаго докторами. У него былъ сильнѣйшій аневризмъ. Очевидно,—часы его были сочтены, и онъ по временамъ даже съ трудомъ говорилъ.

Большой обрадовался мнѣ. Я не удивился, зная, что онъ не имѣетъ въ городѣ ни близкихъ родныхъ, ни кого близкаго по душѣ. Раза два мнѣ показалось, что у него виситъ на устахъ какое-то признаніе, что ему хочется высказаться передо мною въ чемъ-то,—каждый разъ что-нибудь да мѣшало ему, и черезъ двѣ недѣли онъ умеръ у меня на рукахъ, за нѣскольکو минутъ до своего послѣдняго вздоха выговоривъ только:

— Отвези это, ради всего святаго, Юлинькѣ.... Она тебѣ скажетъ....

Это были послѣднія слова умирающаго.

При словѣ *это*, онъ показалъ на маленькій нессесерь, который во все время его болѣзни стоялъ на столѣ у его изголовья. Она отпослосъ къ женщиной, чему-то въ родѣ полугорничной, которая ходила за больнымъ, которую я засталъ у него, пріѣхавъ въ Москву, и которой прежде не было въ числѣ его прислуги. Я предполагалъ, что женщина была взята къ больному взаменъ обыкновенной сидѣлки, и до послѣднихъ словъ умирающаго не обратилъ на нее особеннаго вниманія, хотя нѣскольکو разъ долженъ былъ отдать справедливость ея усердію и довольно рѣдкому въ слугахъ сердечному участію, съ которымъ она обращалась съ больнымъ.

Едва успѣвъ закрыть глаза моему бѣдному пріятелю, я, весьма естественно, обратился къ горничной съ вопросомъ:

— О какой это онъ Юлинькѣ сказалъ, которой просилъ отвезти шкатулку?

— Ну ее! только выговорила она, и бросилась вопъ изъ комнаты, какъ казалось мнѣ, искренно взволнованная и вся въ слезахъ.

Нужно было, прежде всего, заняться похоропами и нѣкоторыми, извѣстными, обрядностями, для чего я сейчасъ же оставилъ квартиру покойнаго. Но шкатулку я взялъ съ собою, и, только очутился дома, открылъ ее. Подъ обыкновенными принадлежностями небольшого ту-

алетнаго песссера, какъ всегда вставленными въ гнѣздышки, соединенными въ одну штуку, которую я не умѣю назвать,—я нашель ломбардный билетъ въ нѣсколько тысячъ, съ небольшимъ двѣ тысячи кредитными билетами, нѣсколько визитныхъ карточекъ разныхъ лицъ, пупцовую лепточку, наконецъ письмо и три записки одного почерка безъ подписи, всѣ одинаково отчаянно-безграмотныя и очевидно писанныя женщиной. Отъ кого были письмо и записки, не могъ рѣшить никогда не выдавшій почерка.

Зная, что единственный наследникъ моего пріятеля—одинъ дальній его родственникъ, въ эту пору находившійся за границей, человекъ болѣе нежели достаточный и въ полномъ смыслѣ порядочный, я положилъ оставить у себя шкатулку покойнаго, исполнить, если не встрѣтится совершенной невозможности, распоряженіе о ней завѣщателя, и сказать о томъ наследнику при свиданіи или написать къ нему.

Во время возни съ похоронами я позвалъ горничную, и опять обратился къ ней:

— О комъ же это говорилъ Иванъ Степанычъ? Вѣдь, онъ у тебя велѣлъ спросить?

— Ну ее совсѣмъ, отвѣчала Марина (такъ зовутъ эту женщину) такъ же гнѣвно, какъ первый разъ.

— Да, вѣдь, ты не знаешь, мой свѣтъ: онъ поручилъ мнѣ отдать ей шкатулку, въ которой много денегъ.

— Вотъ еще ей деньги! бросить ихъ, сударь, лучше, либо нищимъ отдать. А то ей! Сгубила барина-то, какъ сестъ сгубила; она его, окаинная, въ гробъ свела. И я—то что черезъ нее грѣха припяла. . . .

Марина заплакала, а разговоръ нашъ прервалъ кто-то.

Отдалъ я послѣдній долгъ М—ну, и въ тотъ же день, совершенно неожиданно, былъ вынужденъ отлучиться изъ Москвы. Вернувшись очень скоро, я предположилъ отыскать Марину, чтобы добиться, наконецъ, толку отъ нея. Я послалъ на бывшую квартиру М—на, и велѣлъ сказать, чтобы пришла горничная.

Отвѣтъ былъ такой: Марина на другой день похоропъ М—на ушла, и съ тѣхъ поръ ея не видали въ домъ.

Разумѣется, я остался очень недоволенъ отвѣтомъ. Падо же мнѣ было отыскать Марину во что бы ни стало. Не успѣлъ я однакожь, для этого предпринять ничего еще, въ одно невыносимо-жаркое утро прошлаго поля слуга мой оставилъ передо мною огромный крендель—съ объясненіемъ, что его принесла Марина, и желаетъ имѣть счастье поздравить меня съ своимъ ангеломъ.

Я такъ обрадовался, что оттолкнулъ отъ себя стодесятое описаніе одного изъ послѣднихъ Людовика-Наполеона, которое въ эту минуту вкушалъ

изъ «Nord», и, велѣвъ позвать Марину, обратился къ ней съ слѣдующею рѣчью:

— Хороша ты, мать моя. Совсѣмъ пропала, а мы тебя тутъ ищемъ.

— Къ Троицѣ, сударь, ходила, а танерича при мѣстѣ нахожусь, отвѣчала она. — Поздравить пришла вашу милость съ своимъ ангеломъ, по Ивану Степанычу,—какъ вы имъ по дружеству доводитесь,—царство ему небесное! . . .

— За это тебѣ спасибо. . . Садись-ка, потолкуемъ съ тобой. Вѣдь мнѣ тебя нужно.

Послѣ не малыхъ церемоній, Марина прильнула къ краюшку стула.

— Скажи жъ ты мнѣ, продолжалъ я,—кто эта Юльица, о которой мнѣ говорилъ Иванъ Степанычъ?

На этотъ разъ Марина отвѣчала, ужъ не знаю почему, безъ оговорокъ.

— Юлія Петровна—съ, нешто вы не изволите знать?

— Не знаю.

«Неужели, пришло мнѣ тогда на умъ, это та самая красавица, на которую я засматривался не одинъ разъ и которой всегда инстинктивно боялся? Неужели предчувствія мои относительно этой женщины сбылись надъ моимъ бѣднымъ пріятелемъ?»

— Какъ же—съ, продолжала Марина, будто отвѣчая на мои мысленные вопросы,—Иванъ-то Степанычъ съ прошлой осени, годъ вотъ будетъ, стали ѣздить къ намъ.

— Какая она изъ себя? спросилъ я, напередъ увѣренный, что Марина, какъ и всѣ ей подобныя, ужъ Богъ вѣсть почему, ни за что не сумѣетъ своимъ описаніемъ дать мнѣ достаточное понятіе, по которому бы я могъ узнать та ли эта женщина, которую я преднолагаю, или не та.

— Какъ сказать? бравая такая изъ себя. . . .

— Брюнетка? черная?

— Оно не то что черная. А волоса, знать, черныя. Только худа больно. . . . Онѣ въ этихъ мѣстахъ всегда подкладываютъ.

Горничная показала на грудь.

— Хороша изъ лица?

— Господа хвалятъ, очень хвалятъ. Иванъ-то Степанычъ, сердечный, бывало: «эдакой, говоритъ, и на семь свѣтъ нѣтъ». Ручки, пожки цѣлуетъ. А по нашему, нельзя сказать, что хороша.

Что бы вы поняли по этимъ пріямтамъ?

— Ты у нея, стало быть, жила?

— До самаго до эстаго случая. А тутъ ужъ, какъ случилось, отошла.

— И долго ты у нея жила?

— Долго, сударь, года съ четыре будетъ никакъ, или больше. Отходила я, тутъ опять присылаютъ: «Мариница, голубушка, я, говоритъ, завсегда тебя люблю.

Ты, говорить, останешься довольна». Полтину прибавили они мнѣ. Наше дѣло, извѣстно: кто себѣ не пожелаетъ?... Наглядѣлась за то....

Марина махнула рукой.

— Расскажи-ка, Расскажи.

— Грѣхъ одинъ....

Мнѣ пришла счастливая мысль предложить Маринѣ рюмку наливочки. Марина пожеманилась, однакожь выпила.

— И что это вамъ апекить пришелъ? сказала она, улыбаясь.

— Ты знаешь, что мнѣ Иванъ Степанычъ былъ пріятель....

— Это точно-съ.... А денегъ вы ей, какъ вамъ угодно, не давайте. Не стоящая....

— Вотъ мы и увидимъ: не стоитъ, такъ и не дадимъ.

Этимъ моральнымъ аргументомъ, который представился самъ собой, я окончательно расположилъ Марину въ мою пользу, и она принялась за рассказъ:

*

— Какъ это я, сударь, къ нимъ опредѣлилась, къ Юли-то Петровиѣ, они много хуже жили противъ попѣшняго. Привезъ ихъ, значить, въ ту пору баринъ одинъ изъ губерніи. У Креста они жили, квартиру нанимали, а допреждъ еще въ нумерахъ что ли въ какихъ.... Баринъ степенный такой, хорошій. Фамилію я имъ забыла. Егоръ Николаичъ. И точно что любилъ онъ ее. Всякое удовольствіе дѣлалъ: кататься когда поѣдутъ; навезетъ это онъ всего какъ есть. Всѣмъ покоплъ. Пычности нельзя сказать — этого не было, а какъ бы не жить. Плачетъ, бывало. Потому, онъ ее, видишь ты, отъ мужа взялъ.... только по охотѣ-съ; значить, ихъ согласіе было.... Стану я говорить: «чего, моль, вы, сударыня, изволите плакать?»—«Эхъ, говорить, Марипушка, воли-то нѣтъ моей». Извѣстное дѣло, ей бы покуражиться; ну не велить, значить, баринъ.

«Сознакомилась она тутъ съ купчихой съ одной, съ Окопниковой. Веселая такая, вдовая купчиха-то. «Сдѣлайте милость, говорить, пожалуйста съ нами въ маскарадъ, въ собраніе,» слышу я, купчиха-то ей. Моя-то, какъ вповѣ, наперва-то боится.—«Какъ, говорить, я поѣду: узнаетъ самъ-отъ—бѣда». Ну, сбила она ее, купчиха-то. Поѣхала. «Ты, говорить, Марина, смотри не моги ему говорить». Четвертакъ они мнѣ тутъ дали. Разъ поѣхали, два поѣхали: въ охотку. Баринъ-то, бывало, посидитъ вечеромъ, а то, выходитъ, и домой. Онъ со двора, а пани одѣнута—жди на зарѣ. «Ну, думаю, быть добру.»

«Эдакъ какъ передъ заговѣнемъ, истопила я, сударь, печку, стала въ покояхъ прибираться, гляжу: карета. Выходитъ.... генералъ Иковъ: вы, я чай, знаете. Только

этого у насъ до того разу съ роду не бывало, чтобы кто пріѣхалъ, окромъ Егора Николаича. Барыня закидалась: на меня-то смотрятъ — совѣсть, значить; и генералу надо услужить, а тутъ, гляди, не нагринулъ бы свой. Она нѣтъ-нѣтъ въ окно. Посидѣлъ генералъ, ну вовсе противный, старый такой, брюзглый—уѣхалъ. Я, будто пыль стирамши: «барыня, говорю, а ну, говорю, баринъ прознаетъ, будетъ намъ на орѣхи.»—«Молчи, говорить, глупая, ты не понимаешь: мнѣ, моль, нѣтъ желанья въ клѣткѣ-то сидѣть. Ты гляди какъ здѣсь люди-то живутъ. А мы нешто хуже людей?»—Наше дѣло, извѣстно, подневольное.

«Тутъ, немного время, опять генералъ. Картоновъ навезъ, бурнусовъ, мапгильевъ—видимо-невидимо. Барыня еще всего-то и не попрытала,—Егоръ Николаичъ.

«— Это, говорить, откуда?»

«— А вамъ, это она-то, что за антересъ? Подарили, и все тутъ.

«Повернулся баринъ, и былъ таковъ. Я молчу: что будетъ.

«Только барыня мнѣ: «Больно, говорить, ужъ захотѣлъ много. Не найду я, видишь ты, окромъ его. Здѣсь Москва-матушка». — Послали они меня за извозникомъ; привела я имъ извозника, и стали они все отлучаться, стало быть, къ генералу-то-съ.

«Недѣлю, какъ сказать, али побольше, баринъ пріѣзжаетъ—Егоръ Николаичъ.

«— Что говорить, у васъ, Марипушка, подѣлывается?»

«— А намъ, говорю, сударь, почему знать? былъ, говорю, генералъ два раза, а больше мы его и не видимъ. Да и барыня-то, почитай, дома не живетъ.

«— Ну, говорить, видно намъ счастье такое за спасибо, что взялъ ее изъ губерніи-то, какъ привезъ мнѣ ее половой, въ одной сорочкѣ да въ салопцѣ плохенькомъ, въ нумера.

«А самому, значить, ровню какъ и жалко. Невеселый такой.

«— Скажи, говорить, ей: одумается, Богъ съ ней, я согласенъ, чтобы по старому.

«Ну мнѣ, сударь, какъ же не сказать: пельзя. Стала я ей говорить, что вотъ, моль, такъ и такъ, наказывалъ Егоръ Николаичъ.

«— Оченно, говорить, я ими нуждаюсь!

«Только и сказала. А тутъ и перевозиться стали къ генералу—на Арбатъ: свой домъ у нихъ-съ.

«Барышевъ этихъ, мамзелей въ домъ-отъ.... ѣздить, ѣздить,—и не приведи Господи! «Что жъ это? я себѣ.» А люди-то мнѣ, выходитъ, генеральскіе: «у насъ, говорю, завсегда такое заведеніе.» Господа опять наѣдутъ... компанія. Что ни утро, все народъ, все народъ. Шуму, крику, а то и подерутся, значить, изъ

жепскаго-то полу. Страсть! подивилась я; ну что это господамъ за неволя? И старый, вѣдь, самъ-отъ. Поди жь ты! А камардинъ мнѣ: «деревня, говорить, ты, Марипа; оно и видно, что деревня».

«Собрались они въ вотчину; меня барыня и рассчитала. У нихъ, значить, крѣпостныхъ некуда дѣвать.

«По заморозкамъ, это выходитъ, иду я съ рынка,—глядь, моя Юлія Петровна въ коляскѣ. Признали они меня.

«— Ты, говорить, Марина?

«— Я, моль, сударыня.

«— Приходи, говорить, ты ко мнѣ: я, говорить, приѣхала опять сюда совсѣмъ.

«Жила я въ тѣ поры у Нѣмца у одного. Житье не корыстное. Схожу, думаю. Прихожу. Стали они меня просить, то-есть, чтобы я къ нимъ опять. Денегъ дали впередъ. Рѣшилась я съ Нѣмцемъ, стала опять жить у нихъ, у Юліи Петровны.

«Ну тутъ форсъ у нихъ другой пошелъ. Совсѣмъ, сударь, не то. Рѣдко когда чтобы куда въ саняхъ: карету имъ найми, все въ каретѣ, да въ каретѣ. Отъ генерала-то, выходитъ, они себѣ хорошую пользу получили. По нашему, и притаются бы. Куда тебѣ! Почли къ намъ гости.... Рѣшились они съ однимъ баринкомъ: горбатый такой, картежникъ, но только, нельзя сказать, оченно онъ до нихъ добръ былъ:—что твоя душенька просить. Всего, всего, онъ имъ... ворохомъ тащить. Усиѣвай по сундукамъ раскладывать. Большая имъ тутъ линия пошла. Я, бывало, все радуюсь. Жить бы опять да жить. Только повадилея къ намъ офицеръ одинъ полковой—что говорить, молодець изъ себя: гусаръ что ли; ну и понутало барыню-то. А горбунъ и подгляди. Побранились они, значить, съ Юліей Петровной, вотъ какъ побранились: причиталъ онъ, причиталъ, ну да и она тоже,—бросилъ. Тутъ ужь они и офицеру-то карету подали: «что, говорить, съ него съ голаго-то взять: это, говорить, при людяхъ хорошо».—Не велѣли мнѣ его пускать. Ну разъ-таки понало мнѣ отъ него вотъ въ это мѣсто; должно, съ той поры и стала я на ухо крѣпка.

С. К.—нѣ.

(До слѣдующаго №).

УТРО У СЕКРЕТАРЯ.

СЦЕНЫ.

Комната въ квартирѣ Александра Владимировича Цвѣтковскаго. Нѣсколько столовъ сдвинуто въ кучу, на полу валяются карты, на столахъ стоятъ бутылки. По всему замѣтно, что наканунѣ была попойка и игра, 8 часовъ утра.

I.

Степанъ (одиногъ убираетъ бутылки). Охъ ты жисть ты моя!... Хоть бы капелька!... Цѣлую почъ не спашип и горла промочить печѣмъ!... Словно послѣ Мамаева

побойца, али дивизоръ проѣхалъ, такая чистота во всѣхъ. Вотъ, батюшки мои, убють они!... Звѣри дикіе!... Крокодилы лѣсные!... Вотъ теперь люди добрые вставать ужь начинаютъ, а у насъ почъ только что начинается!... И нынче такое же безобразіе будетъ—ужь я знаю... Потому—съ пятницы на субботу, а съ субботы на воскресенье, всегда пьянствуемъ!... И отдыху никогда нѣтъ!... Господи Боже мой, за какія же прегрѣшенія и испытываю такое безобразіе?... Нѣтъ, хоть бы капелька! говорю я. Всю Россію изойдешь, а хуже нашего житья не пайди!... (Звонокъ). Вонъ кого-то чортъ съ-позаранку принесъ!... (Уходитъ). (Входитъ: Соврасый, раскольникъ съ бороною, и Степанъ.)

II.

Степанъ. Вы подождите немного, баринъ скоро встанетъ.

Соврасый. Я подожду — отчего не подождать? Видно вчера почивать поздно легли?

Степанъ. Поздно! Да мы всегда ужь поздно ложимся. Потому у насъ знакомства такія важнѣющія, такъ намъ рано ложиться не приходится. Вѣдь это какому-нибудь простому чиновнику, — ну такъ тому можно и рано лечь. А у насъ ужь такъ заведено.

Соврасый. Должно полагать, въ гостяхъ были, али сами принимать изволили?

Степанъ. Да, гости были. Ну и народъ все такой значительный! Самъ видите, какъ живемъ мы...

Соврасый. Ну, что и говорить!

Степанъ. Другому и во снѣ не приснится.

Соврасый. Это правильно. Но вѣдь и мѣсто солидное занимаете.

Степанъ. Мѣсто не маленькое!

Соврасый. А чай и жалованье большое получаете, къ тому же и доходы, вѣроятно, есть?

Степанъ. Наше дѣло лакейское, намъ барскія дѣла знать не приходится, а должно полагать, что по мѣсту и жалованье, ну и доходы тоже по мѣсту... А вы надобность до насъ имѣете?

Соврасый. Да дѣльце есть.

Степанъ. Такъ вы подождите — у насъ часто дожидаются.

Соврасый. Отчего не подождать — подождемъ. А что любезный, какъ самъ-то правомъ вышелъ?

Степанъ. И... и... и... какая добръющая душа-то! Тонь эдакаго барина и пограть рѣдко можно. Теперича возьмемъ, примѣрно, хоть меня—ну какое мое дѣло? а и то никогда не обругаетъ... Ужъ какъ на счетъ этой штуки благородень (показываетъ кулакъ). Пальцемъ не тронетъ! Понадобится сходить куда—придешь, стало быть, къ нему—батюшка Александръ Владимировичъ — такъ и такъ-съ!... Чтожь, скажетъ, ступай

братецъ, я не держу. . . . Онять же, примѣрно, крѣпостной я человекъ, ну и семья то же есть—вотъ какая надобность въ деньгахъ случится—известное дѣло, взять не откуда—идешь опять къ барину. . . . Что тебѣ нужно? Явите милость, скажешь, нужда крайняя! . . . Изволь скажетъ, братецъ! На пьянство я не дамъ, а на дѣло отчего же не дать. Ну за то пьянства не любить. . . . Да это ужъ и точно, чтожъ хорошаго, когда человекъ, можно сказать, безъ чувствія лежитъ—это ужъ послѣднее дѣло!

Соврасый. Это правильно. Хорошаго тутъ не много!

Степанъ. Ну опять же возьмемъ хоть просителей—много вѣдь ихъ къ намъ ходитъ, а онъ ужъ у меня всегда спрашиваетъ: Степанъ! — Чего молъ изволите? Далъ тебѣ за труды, хоть вы, примѣромъ, али другой. Известное дѣло, если что далъ, ну и говорить долженъ, что далъ. Это, скажетъ, хорошо! Этотъ, скажетъ онъ, стало, субординацію знаетъ. . . . Хорошій, выходитъ человекъ! Ну, а если кто ничего не далъ, ну и скажешь, что ничего, молъ, не далъ. Тогда онъ даже нахмурится, и скажетъ: скотина, стало быть, онъ! Положенія, приличія, стало быть, онъ никакъ не знаетъ! Какъ человекъ за труды ничего не дать!—Всякій человекъ трудами питается. Право, такъ и скажетъ! Ну, сами вы можете по судить, какой баринъ скажетъ это? Да другому что за дѣло? а панъ во все входитъ. Другой только и поровитъ себя, а панъ и лакею своему удовольствіе доставитъ хочеть: такъ стало въ немъ душа сечь!

Соврасый (*смотря изъ-косу*)! Это справедливо. Не побрезгай, братъ, на чашки! (*Вынимаетъ кошелекъ и даетъ Степану денегъ*).

Степанъ. Благодарствуюсь! Я вѣдь это не къ тому.

Соврасый. Да мы и сами вѣдь понимать можемъ. . . .

Степанъ. Да вы кто такіе? (*Звонокъ*). А вотъ и самъ всталъ! . . . Сейчас доложу. (*Уходитъ*).

III.

Соврасый. (*Одинъ ходитъ задумавшись*). А видно баринъ тоже плутъ преестественный. Инъ у этого жидомора рыло-то какое! Кантъ, сущій Кантъ! Шельма! . . . (*Молчитъ несколько времени*). И то сказать, намъ съ мошенничкомъ дѣло имѣть вольнѣе: онъ хоша и обереть, да за то ужъ и дѣло сдѣластъ; изъ-за него и намъ прибыль будетъ! А съ тѣми, кто денегъ-то не беретъ, дѣло имѣть несподручно! Потому тотъ паровитъ только всячески паругаться. Въ писаніи сказано: всякое даяніе благо, такъ и выходитъ, коли даютъ, ты бери, а не ломайся! Мѣру только понимай и безобразно не обдирай! . . . Долго что-то тамъ баринъ-то проклажается! . . . (*Помолчавъ*). А то, что вѣдь другіе говорятъ: деньги говорятъ, металлъ презрѣнный,—и совѣти на нихъ не

купишь. Это, надо полагать, одно вольнодумство, и говорятъ это они про совѣтъ для проважденія времени, али привычку такую взяли. Вотъ, примѣрно я: пришлось мнѣ подрядъ снить—ну и хотѣлъ я приѣмщику благодарность, для того что безъ этого уже нельзя, изстари такъ ведется. Намъ и барышн—то только, что если половину негоднаго спустишь! Господи Боже мой, какого же я тогда страху натерѣлся! Какъ теперь гляжу, молодой мужчина, изъ себя видный, подошелъ ко мнѣ,—глаза просто кровавые сдѣлались, схватилъ меня за шиворотъ и давай трясти; самъ трясеть, а самъ приговариваетъ: ахъ ты, свиное рыло! да какъ ты смѣлъ! Да я, говорить, тебя туда упеку, куда воронъ и костей не заносилъ! Я, говорить, отечеству служу, для общественной пользы, говорить. У меня и душа въ пятки ушла, а самъ и думаю: голубчикъ, молъ, мой, ни себя, ни другимъ ты пользы не сдѣлаешь, а проживешь весь свой вѣкъ чиновникомъ несчастнымъ, всякій тебя дуракомъ назоветъ. — «Какъ, говорить, ты подумать-то смѣлъ, чтобъ я честь свою продалъ за металлъ бранный!» Хорошъ бранный металлъ! Его отцы твои брали да облизывались, ну и ты бери! А то выходитъ: собака на сѣнѣ лежала, сама не ѣла и другимъ не давала. Конечно, человекъ обидѣть можно, да что толку-то? одна фанаберія. Послѣ этого и подрядовъ хоть не бери на казну, — а самъ ступай по міру! Давнулъ—таки онъ меня порядкомъ. На одного только такого и налетѣлъ, да и не приведи Богъ! (*Входитъ Цветковскій, въ бархатномъ халатѣ. На видѣ ему лѣтъ тридцать, высокій ростъ, огромные бакенбарды, лицомъ блѣденъ, ходитъ нештого сошвысивъ, но взглядъ ястребинный и вообще въ осанкѣ много важности; говоритъ тихо и не скоро. За нимъ въ почтительномъ отдаленіи слѣдуетъ Степанъ*).

IV.

Цветковскій (*протяжно*). Что тебѣ нужно, любезный?

Соврасый. Наше вамъ почтеніе—съ: купецъ московскій Прохоръ Михѣевъ Соврасый. Дѣльце касательное васъ имѣется, такъ желательно насчетъ това—съ!

Цветковскій. Говори, братецъ, я помочь готовъ, если могу. Степанъ!

Степанъ. Чего изволите—съ?

Цветковскій (*смотря на него зѣвки*). А самъ не можешь понять? Я тебя проучу, капаля! Пошелъ вонъ! (*Степанъ быстро удаляется*). Говори, какое дѣло?

Соврасый. Я вамъ, примѣрно, въ натурѣ стану говорить. И сами, примѣрно, понять вы можете. Изволите вы знать у васъ теперь дѣло одно по случаю наслѣдства находится, послѣ умершей сестры моей Агафьи Михѣевой Зайцевой.

Цветковскій. А, знаю! Изъ магистрата недавно поступило по аппеляціи.

Соврасый. Это вы правильно говорить изволите; Ну, такъ какъ же вы, примѣрно, скажете, то-есть насчетъ то-во-съ?

Цветковскій. Я одно скажу тебѣ: по закону имѣніе должно считаться выморочнымъ. Потому—наслѣдниковъ прямыхъ нѣтъ.

Соврасый. Помилуйте! А я то развѣ не наслѣдникъ? Одна кровь и плоть.

Цветковскій. Нѣтъ, по закону ты не наслѣдникъ. Потому что ты раскольникъ, и сестра твоя прижита въ расколѣ,—а законъ браковъ раскольниковыхъ не признаетъ.

Соврасый. Да вѣдь это только, можетъ, по закону пельзя, а такъ, по совѣсти—то, средство есть? Вы сами посудить можете, вѣдь обидно! а для васъ вѣдь все едино, казна—то отъ этого не обѣднѣетъ, а меня—то вѣкъ заставите за себя Бога молить! Вы—то ужъ знаете, какъ это совершить.

Цветковскій. Трудно!

Соврасый. Трудности тутъ никакой нѣтъ. Можетъ въ законѣ—то что нибудь и другое есть.

Цветковскій. Ты, я вижу, плутъ! Впрочемъ навѣрно я ничего не могу сказать, можетъ быть, что нибудь въ законѣ и въ твою пользу есть. Я еще дѣла твоего хорошо не видалъ.

Соврасый. Вы сумленіе на счетъ благодарности, можетъ, имѣете. Такъ вы всякое сумленіе оставьте. Я тысячи не пожалѣю!

Цветковскій. Что? тысячу...

Соврасый. Мало, такъ еще пять сотъ прибавлю?

Цветковскій. Ха, ха, ха! экой ты, любезный, добрякъ! какую сумму отвалить хочешь! Дѣло—то стотысячное, а ты полтора тысячами отдѣлаться хочешь! ха, ха, ха!

Соврасый (въ смущеніи). А что же—съ?

Цветковскій. А вотъ что,—пять тысячъ, такъ можетъ быть, я подумаю! а то ты и ничего не получишь.

Соврасый. Помилуйте!

Цветковскій. Что тутъ миловать? а ты говори дашь или нѣтъ?

Соврасый. Да вы сами, ваше благородіе, посудите, что же мнѣ то останется? Въ магистратѣ далъ. У васъ дай. А дѣло и въ сенатѣ пойдетъ еще!

Цветковскій. Твое дѣло, какъ знаешь. А я вижу, ты одинъ грабить хочешь.

Соврасый. Какой же тутъ грабежъ? только и думаешь, какъ бы свои выручить.

Цветковскій. Знаю я васъ, бестій, всѣ вы казанскими сиротами притворяетесь.

Соврасый. Да вы, ваше благородіе, совѣтъ не сообразное требуете. Вѣдь это примѣрно все едино, что на большой дорогѣ ограбить.

Цветковскій (вставая съ кресла съ угрожающимъ видомъ). Что? А ты послушай, козлиная борода, ты гово-

ри, да не заговаривайся! Ты понимаешь, что я тебѣ благодаріе хочу сдѣлать, такъ ты чувствуй это! Ты знай съ кѣмъ говоришь! Вѣдь ты мужикъ и больше ничего! А я дворянинъ—я на то и отъ правительства поставленъ, чтобъ васъ, скотовъ, въ повиновеніи держать! И выходитъ—хочу по шерсти поглажу, а то такъ взерошу, что ты обратись въ прахъ! Такую трессировку задамъ, что ты и не очувствуешься! (Подходитъ къ Соврасову, — тотъ пачитъ.) Ты знаешь ли, что я тебя сейчасъ подъ судъ могу отдать—ты мнѣ вѣдь взятку предлагалъ, а знаешь ли ты, что за это по закону слѣдуетъ? Въ Сибирь тебя унекутъ! На подножный кормъ по Владимиркѣ!

Соврасый (съ испугомъ). Да что вы, ваше благородіе! Я вѣдь такъ попросту, по глупости сболтнулъ! Я вѣдь право ничего—съ! Извѣстно дѣло наше такое, всякій надъ нами надругаться можетъ. Естественномъ, можно сказать, платимъ. Какъ прикажете, ваше благородіе! А вы хоть три тысячи возьмите.

Цветковскій. Ты послушай же, куда ты пришелъ? Площадь что ли у меня? Торговаться начинаешь. Я тебѣ послѣднее слово скажу: хочешь пять тысячъ давай; нѣтъ—убирайся!

Соврасый (смотря изподлобья), Гмъ! Берите, сколько хотите! Сколько душа приметъ, столько и берите!

Цветковскій (небрежно). Три тысячи ты можешь принести на этой недѣлѣ, а остальные передъ рѣшеніемъ дѣла.

Соврасый. Ладно! Прощенія просимъ!

Цветковскій (киваетъ головой). Прощай!

Соврасый (уходя, про себя). Экое горло—то! вѣдь и не подавится волчья пасть! Ну, шельма же? (уходитъ.)

К. Бабиковъ.

(Окончаніе въ слѣдующ. №)

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Д Е Н Е Ш А 7-я.

Мосты разведены. Всѣмъ льду ждуть на Невѣ.

Тайвань (*) руки потираетъ,

На градусникъ въ окнѣ съ улыбкой взираетъ

Въ надеждѣ, что: «авось еще недѣля двѣ

«То поморозитъ, то потаитъ!»

У всякаго свои расчеты барыша:

Ждетъ мѣховщикъ зимы, а Изтеръ жаждетъ лѣта,

Врачамъ особенно лишь осень хороша,

Въ такомъ порядкѣ міръ стоитъ съ начала свѣта.

Карманный интересъ для всѣхъ важнѣй всего,

Въ немъ счастье людей, въ немъ жизни всей задача,

(*) Содержатель перевозовъ.

А безъ него,
Нашъ шаръ земной — юдоль страданія и плача.

.....
Прогрессъ нашъ отуманилъ насъ
Ръчами хитрыми; а все виной экстазъ!..
Въ немъ глупости творить мы каждый часъ готовы,
Разсудокъ потерять съ нимъ прелегко какъ разъ;

Вотъ фактъ на это повѣй,
Случившійся на дняхъ: Прелестный здѣшній полъ,
Фигуркой Страуса, здѣшяго артиста,
Увлекся такъ, что вдругъ талантъ его возвелъ
Превыше Паганини, Листа!....

Всѣ увлеченныя надергали волосъ
Съ своихъ головокъ идеальныхъ,
И весь ареопагъ *Камелій, далій, розъ*
И *мать-и-мачихъ* капитальныхъ
Рѣшили, чтобъ заказать художницѣ одной
Волосяпой,

Изъ собранныхъ волосъ сплести вѣнокъ *лавровый*
И на портретъ главы всей музыки садовой
Вѣнокъ тотъ паклентъ,

И милый сердцу ликъ въ Пассажъ помѣстить,
Чтобъ можно было *всѣмъ* тѣмъ ликомъ любоваться!....
При этомъ, кетати ужъ позвольте васъ спросить:
Способны ли у васъ такъ дамы увлекаться?

.....
Столичныхъ повостей покуда очень мало.
Мадамъ Гебгардъ двоихъ Китайцевъ (*) добыла,
Собачку чудную какую-то достала
И зимній свой сезонъ успешно начала.
Катайцы фокусы такіе представляютъ,
Какихъ во спѣ и самъ Пинетти не видалъ!
Другъ въ друга пожикомъ швыряютъ,
Галлонъ воды въ одну бутылку помѣщаютъ,
Морочать публику столицы на поваль.
Собачка жъ въ преферансѣ играетъ превосходно,
И математику притомъ преподаетъ,
Кому угодно,
Безплатно, съ платой лишь за входъ.
Читала лекціи она сперва съ Пассажъ,
Теперь на Мойку перешла,
Въ тотъ домъ, Пастраца гдѣ жила;
Къ ней ѣздятъ многія въ богатыхъ экипажахъ.
Что жъ! Въ этомъ предразсудка нѣтъ,
Я говорю серьезно,
Учиться никогда не поздно;
Невѣжество вѣдь — тьма, ну, а учење свѣтъ.

.....
Въ среду журналовъ ждутъ еще одинъ журналъ,
Онъ будетъ органомъ особаго устройства,,
Какихъ никто еще въ Россіи не слыхалъ;
При немъ появится газеточка: *филляръ*,

(*) Господинъ Лумъ-унгъ и Господинъ А-Конгъ, прибыли, какъ говорятъ, по телеграфу, прямо изъ Кантона.

Ужъ черезъ чуръ дешевенькаго свойства
И для неграмотныхъ. Затѣя недурна;
Но какъ ее читать неграмотные станутъ?
— Да не для чтенія и въ ходъ идетъ она.

Такъ гдѣжь издатели подисчиковъ достанутъ?
— Какъ не достать у насъ! Россія велика:
Туда сюда пошлютъ—журналъ и разойдется;
Была бъ сильна рука,
Индюшекъ малую толику соберется!

.....
С. Петербургъ. Ноября 8 дня 1839.
12 часовъ ночи.

А. К. Зловъ.

НА СМЕРТЬ ОНТА-БУКН.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ поковъ.

Баратынскій
(на смерть Гете.)

Предстала, и *Величій* авторъ смежилъ
Запылившія очи въ поковъ;
Свой дротикъ уланскій—перо преломилъ,
Оставилъ стяжанье земное....

Пролей *публикація* слезы надъ нимъ,
Вѣдь слава твоя улетучилась съ нимъ!

Погасъ вдохновитель ремесленныхъ дѣлъ,
Всю жизнь посвятивъ восхваленьямъ;
Всѣ цехи, всѣ роды торговли онъ пѣлъ,
Вездѣ поспѣвалъ съ поощреньемъ.
Могучимъ перомъ всѣмъ извѣстность давалъ,
Все *близкое къ сердцу*, любилъ, поощрялъ.

Въ немъ все вдохновеенье питало: мѣха,
Бурпусы, котлеты, маннишки,
Готовыя платья, чепцы, потроха,
Сигары, изъ Вязьмы коврижки;
Мечтою свободной возвыситъ онъ могъ
Пирожной *Фролова* сносный пирогъ!

Съ портными одною онъ жизнью дышалъ,
Звалъ кройку пальто и жилета,
Сапожное дѣло вполне понималъ,
Мѣховъ звалъ сохрану на льто.
Торговлей въ Садовой вертѣлъ какъ хотѣлъ,
Товаръ уронить и возвыситъ умѣлъ!

Управы Ремесленной главнымъ судьей
Всю жизнь прослужилъ онъ земную,
И вмѣстѣ съ собой, подъ могильной доской,
Надежду зарылъ цеховую.
Кунецъ отъ газеты не ждетъ ничего;
Спитъ въ хладной могилѣ кормилецъ его!..

О! если за гробомъ магазины есть,
Модистки, кунцы и портные,
То, вѣрьте, начтетъ тамъ покойникъ, какъ здѣсь
Писать фельетоны родные;
Промышленность также онъ тамъ оживитъ,
И снова подниметъ газеты кредитъ.

Н. Гречниковъ.

(Рис. С. А. Любовникова.)

— Это ваша дочь? Какъ она похожа на вашего начальника!
— Да, всё это находить, и его превосходительство ужасно ее балуеть...

(Рис. К. И. Исакова.)

— Докторъ, я совсѣмъ больна...
— Больны? А аппетитъ есть?
— Есть.
— Есть. А сонъ?
— И сонъ есть.
— Есть. Прекрасно. Я пропишу вамъ микстурку... Дня черезъ два ничего этого не будетъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

«Развлечения».

О языкѣ фельетона.—Фельетонъ и академія, академикъ и фельетонистъ.—Торжества въ память Шиллера.—Натянутый выводъ.—Призма ученаго отшельника.—*Объ опасности быть стихотворцемъ*, поученіе въ лицахъ. Дѣйствующіе: купецъ-стихотворецъ, капитанъ-пята и дѣвица отъ 35 до 70 лѣтъ исключительно. Страждущій: мой пріятель. — Театральная замѣтка.

Намедни чрезвычайно мило смѣялись надъ моей хроникой. Нѣкто импровизовалъ пародію на мою манеру,—и я браню себя, зачѣмъ я не стенографировалъ пародію, остроумію которой не могу не принести дажь моего уваженія. Между прочимъ, меня увѣряли, что, по поводу моихъ преступленій противъ разныхъ руководствъ, но коимъ и теперь еще продолжаютъ разучивать юпошество русскому языку, и употребленія мною то иностраннаго слова, то цѣлой французской фразы, пѣкій джентльменъ собирается громить мое отщепенство филологическими письмами, которыя, безъ малѣйшаго сомнѣнія, составятъ украшеніе какого-нибудь учено-литературнаго журнала.

Мнѣ хочется облегчить трудъ моего предполагаемаго антагониста, но въ то же время дать ему мою ересью какъ можно больше средствъ блеснуть филологическими и лингвистическими познаніями.

Фельетонъ, худъ ли онъ, хорошъ ли, пишется не на конкурсъ для полученія званія уѣзднаго учителя. Поэтому, фельетону нѣтъ ровно никакого дѣла до того, которую хрю предпочиталъ Симеонъ Полоцкій, гдѣ ставилъ двоеточіе Кантемиръ, какимъ русскимъ словомъ Карамзинъ замѣнялъ то или другое иностранное. Всѣ эти премудрости и ихъ изученіе, я, пожалуй, соглашусь, необходимы для благополучія будущихъ поколѣній, но вообразите же фельетониста, который, передавая явленіе минуты или отдавая отчетъ въ впечатлѣніи, произведенномъ на него чѣмъ бы ни было, задался бы идеей лощить свою фразу подъ ладъ тѣхъ драгоценныхъ образцовъ краснорѣчія, которыми наполняются хрестоматіи и многоразличныя пиитики!.. Профессоръ элоквиции, проповѣдывающій съ кафедры, не заботится объ удовольствіи слушателя: пусть даже слушатель заснетъ, профессоръ, тѣмъ не менѣе, пропоеетъ что слѣдуетъ, или прочтетъ съ подобающимъ чувствомъ нѣсколько страницъ изъ М. П. Муравьева, и т. д. Фельетонистъ не имѣетъ надъ читателемъ

деспотической власти. Напротивъ, онъ обязанъ радѣть объ удовольствіи читателя, и первое притязаніе фельетониста, чтобы читатель засыпалъ не ранѣе, какъ по прочтеніи фельетона.

Русское ли, французское ли слово подвернулось фельетонисту — все едино: лишь бы слово какъ можно ближе шло къ выраженію того, что фельетонисту нужно выразить. А ежели не каждую идею, не каждый оттѣнокъ идеи, возбуждаемой несущееся мимо меня жизнію, можно изобразить русскимъ словомъ, виновать ли я, о вы, многуважаемая академія, ученія общества, и вы, профессоры элоквенціи, что жизнь возбуждаетъ во мнѣ идеи, не справившись предварительно, придумали ли вы знаки для выраженія ихъ согласно вашимъ правиламъ? Не гнѣвайтесь же, ради Бога, на меня. Я совсѣмъ не требую, чтобы вы что-нибудь придумали; я даже очень хорошо знаю, что вамъ некогда придумывать, и, въ оправданіе ваше, говорю это всѣмъ... но, извините, не могу же я ждать вашихъ изобрѣтеній, и покуда разъ-за-разомъ откладывать фельетонъ... Позвольте: всего-то вы, можетъ быть, и не знаете.

Ежели я сегодня не доставлю моему редактору фельетона подъ предлогомъ, что не нашелъ такого-то слова ни въ одномъ лексиконѣ, — завтра скажу, что такую-то верусскую фразу я не умѣю замѣнить русскою, редакторъ очень учтиво дастъ мнѣ абшидь. Журналъ или газета — не академія. Въ академіи, получили вы кресло, засѣдайте вы въ немъ или не засѣдайте, почивайте спомъ праведнымъ, забудьте на какой улицѣ академія, вздумайте прѣхать отдохнуть на вашемъ сѣдалищѣ послѣ полувѣковаго отсутствія: — ваше сѣдалище всегда для васъ готово; оно обязано принять васъ въ свои объятія, потому что вы необходимый членъ академіи, потому что безъ васъ не было бы академіи. Журнальный работникъ, фельетонистъ и не-фельетонистъ, не имѣетъ этихъ привилегій. Завидный сибаритизмъ, основное право академіата, воспрещенъ ему подъ страхомъ потери званія, — а иногда лишенія воды и хлѣба. Когда же фельетонисту точить свою фразу? когда ему ломать голову надъ изобрѣтеніемъ выраженія или слова? Кромъ того, скажу вамъ по секрету, у фельетониста, какъ ни малъ онъ въ сравненіи, напримѣръ, хотъ бы съ академикомъ, есть своя гордость: фельетонистъ, между прочимъ, вѣруеть, что журналъ есть машина, двигающая мысль, и, будучи однимъ изъ колесъ этой машины, фельетонистъ просто не хочетъ быть работникомъ слова.

О вы, владыющіе бархатными креслами, простите эту дерзость бѣдному лаззарони печати!

... 29 и 30 октября, пѣкоторыя лица въ Москвѣ, глядя на Европу, вздумали отпраздновать столѣтіе, исполнившееся со дня рожденія Шиллера.

Съ этою мыслию, Общество Любителей Россійской Словесности посвятило памяти германскаго поэта вторую половину своего публичнаго засѣданія, которое было 29-го. Г. Шевыревъ произнесъ рѣчь о Шиллере, г. Миллеръ прочелъ монологъ *Вилгельма Телля* въ своемъ переводѣ, г. Минъ, отрывки своего перевода изъ *Художниковъ*, г. Лопгиновъ — *Торжество побѣдителей* въ переводѣ Жуковскаго, наконецъ

г. Чернышевъ, известный любитель драматическаго искусства, по опредѣленію «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», прошепталъ (изъ *Орлеанской дѣвы* въ переводѣ Жуковскаго) «Прощаніе Жанны д'Аркъ съ отчизной» и продекламировалъ à la Каратыгинъ извѣстный ея монологъ въ 4-мъ дѣйствіи. Все это, вмѣстѣ взятое, выставляетъ въ самомъ блистательномъ свѣтѣ иявентиву Общества Любителей Россійской Словесности и дѣлаетъ несомнѣнную честь его благородному сознанию, что русская литература, за всѣ истязанія, какія потерпѣла отъ нея Шиллеръ (жилъ ли на свѣтѣ тотъ русскій сочинитель, который не пыталъ бы своихъ силъ надъ злосчастнымъ творцомъ *Идеаловъ?*), давно была обязана славной тѣни искупительною демонстраціей.

Какъ добросовѣтный историкъ, я не долженъ забыть, что Общество въ этотъ день очень остроумно воспользовалось однимъ изъ изобрѣтеній новѣйшаго времени — электромагнитнымъ телеграфомъ: посредствомъ его, оно послало въ Лейпцигъ любезную депешу къ центральному комитету, учрежденному для устройства праздника въ честь Шиллера. Комитетъ отвѣчалъ въ тотъ же день съ изъявленіемъ желанія, чтобы Русскимъ Богъ послалъ своего Шиллера.

30-го числа памяти того же лица было посвящено другое торжество, въ мѣстѣ несравненно менѣе академическомъ — въ Эрмитажѣ. Здѣсь распоряжалась нѣмецкая колонія, а собралось къ обѣду до 300 человекъ. Внутренность большаго павильона была убрана соответственно торжеству. Въ вѣнѣ изъ живыхъ цвѣтовъ стоялъ на пьедесталѣ бюстъ Шиллера; у бюста были положены рисунокъ того колокола, который отъ Москвы назначается Марбаху — мѣсторожденію поэта, и посланіе, имѣющее сопутствовать колоколу. По всей залѣ были выставлены названія главныхъ созданій Шиллера, соединенныя цвѣтами. Не забыли, конечно, и прекрасный оркестръ Сакса, который въ продолженіе торжества исполнялъ преимущественно произведенія нѣмецкихъ композиторовъ.

Во время обѣда послѣдовали: рѣчь, сказанная г. Фелькелемъ; стихотвореніе въ честь праздника, г. Салемана; рѣчь г. Ахепбаха на Шиллеровъ текстъ:

«Euch, ihr Götter, gehört der Kaufmann. Güter zu suchen
Geht er; doch an sein Schiff knüpft das Gute sich an»,
въ коей весьма основательно было упомянуто о необходимости для каждаго общества искать противодѣйствія современному утилитаризму въ общеніи съ интересами нематеріальными. Затѣмъ говорилъ г. Циммерманъ о вліяніи идеализма Шиллерова на русское общество. Въ рѣчи г. Циммермана оказалось болѣе ума, нежели истины: въ самомъ дѣлѣ, выводъ, что «идеализмъ Шиллера вызвалъ у насъ къ жизни такія личности, какъ Грановскій», не смѣле ли даже предположенія, на дняхъ при мнѣ обнаруженнаго, что эпическая поэзія Гомера вызвала «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ» г. Соловьева?... Послѣ г. Циммермана, пѣсколько прекрасныхъ словъ произнесъ г. Бабстъ, и заключилъ выраженіемъ желанія о возможномъ единствѣ всѣхъ народовъ. Наконецъ г. Погодинъ сказалъ о вліяніи Шиллера на старшее изъ живыхъ русскихъ поколѣній, а Гейне — на младшее, и пожелалъ, чтобы слѣдующее возвратилось къ Шиллеру. Насколько въ этотъ разъ идеалистомъ оказался

г. Погодинъ—много распространяться нечего. На кого имѣлъ вліяніе Шиллеръ? На кого имѣлъ вліяніе Гейне? Многие ли даже читали первого, и въ особенности второго? Я прошу отвѣта категорическаго, отвѣта не по печатному, отвѣта не изъ официальной актовой рѣчи.... Что теперь пишущая братія, на половину и не зная по-нѣмецки, болѣе посвящаетъ себя истязанію Гейне, а прежде та же братія, подъ тѣми же условіями, упражнялась болѣе надъ Шиллеромъ — вотъ это такъ правда.... А вліяніе того и другаго поэта на то и другое поколѣніе остается весьма апокрифическимъ, и только отшельникъ, подобный г. Погодину, можетъ рисовать себя вещи въ столь розовомъ свѣтѣ: возносить на цѣлыя русскія поколѣнія, будто они испытали вліяніе двухъ славныхъ германскихъ музъ... Но если, далѣе, мы поступимъ алгебраически, то—есть допустимъ, что вліянія эти и были дѣйствительно таковы и такъ общи, какъ думалъ выразить г. Погодинъ, не идеально ли ужь до крайности желаніе, чтобы слѣдующее поколѣніе русскаго общества возвратилось къ Шиллеру? Мнѣ кажется, ово идеально до совершенной, до абсолютной невозможности. Самъ Шиллеръ пѣлъ:

«Erlöschen sind die heit'ren Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt:
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trübe Herz geschwellt!»

а намъ теперь, впереди же и подавно, пужны иныя путеводныя свѣтила; къ инымъ идеаламъ, и отнюдь не романтическимъ, время зоветъ пастъ,—для насъ настоятъ нужда стремиться къ инымъ идеаламъ Влучитесь хорошенько по-нѣмецки, и тогда, ежели вы любите музыку въ формѣ стиха и доступно вамъ наслажденіе лирическимъ ощущеніемъ, отлитымъ въ слово великимъ художникомъ,—читайте Шиллера, уважайте его память, учите его наизусть.... но въ вѣру его вы нынче не перейдете, а дѣти ваши и того меньше: *alia tempora!* Увы! оно, быть можетъ, очень грустно, но кто измѣнитъ непреложный законъ судебъ? кто заставитъ взрослого мужа слушать съ подобострастнымъ благоговѣніемъ увлекательныя для ребенка сказки няни?....

Празднество 30-го октября кончилось въ Казиню: туда перенеслась и большая часть общества и музыка. Г. Салеманъ произнесъ другое свое стихотвореніе, также относящееся къ торжеству.

Но что жь это я сегодня опять все о литературѣ да о литературѣ? Мои враги и мои друзья—критики, чего добраго, пустятъ слухъ, что я рвусь въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, между тѣмъ какъ болѣе ядовитой и менѣе заслуженной клеветы на меня я и вообразить не въ силахъ. Я сроду не былъ любителемъ Россійской словесности.

Такъ вотъ вамъ, въ огражденіе мое, поученіе въ лицахъ объ опасности быть стихотворцемъ, и въ особенности съ пѣвкою извѣстностію.

Есть у меня одинъ добрый пріятель, который очень не дурно пишетъ стихи, котораго стихи вы читали и читаете, но имени его я вамъ не назову.

Этотъ пріятель мой какъ-то собирается куда-то, — ему докладываютъ, что его желаетъ видѣть кто-то.

Новѣйшее средство отъ зубной боли, излѣчивающее мгновенно.

Способъ употребленія. — Когда заболитъ у тебя зубъ, бросайся опрометью на улицу и поймай за хвостъ первое мимобѣгущее четвероногое теплокровное—собаку, кошку, тигра или слона—все равно, и привяжи оное къ щекѣ. Слонъ, однако же, оказывается наимѣнѣе удобнымъ, такъ какъ въ видахъ прикрѣпленія его къ щекѣ, иному пациенту пришлось бы предварительно перестроить свою квартиру, послать за канатомъ въ приморскій городъ и т. д.

Примѣчаніе. За изобрѣтеніе означеннаго средства, ея островитянское величество королева Помаре изволила высочайше повелѣть изъявить изобрѣтателю благоволеніе ея величества и, въ ознаменованіе онаго, пожаловать ему агатовую стрѣлку съ золотымъ наконечникомъ — для ношенія въ носу надъ лѣвою поздрей—по установленію.

Входитъ купецъ съ бородой и въ сертукъ до пятокъ.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ мой пріятель, видя передъ собой челоуѣка, ему не знакомаго.

— Вы изволите писать стишки—съ, и тоже въ журналы печатаете—съ, такъ, вотъ, желалось васъ попросить.... Мы тоже пишемъ стишки—съ, да вотъ позвольте прочитатъ—съ.

Незнакомецъ, не ожидая отвѣта, садится, выпимаетъ изъ одного кармана очки, изъ другаго засаленную тетрадь и, откашлянувъ, пачинаетъ:

— Пчелка летаетъ,
Пчелка жужжитъ,
Медъ собираетъ,
Дальше летигъ....

— Это, въхаль я къ Троицъ—Сергію—съ, такъ фантазія пришла—съ....

— Позвольте, перебиваетъ мой пріятель—что же вы хотите отъ меня?

— Да, вотъ-съ, хотѣлось, чтобы вы удостоили прослушать-съ, и съ вашего одобренія, чтобы напечатать....

— Я не совсемъ понимаю, но ежели вамъ непременно угодно, чтобы я прочелъ эту тетрадь, оставьте ее здѣсь, а теперь, извините, мнѣ некогда.

— Зачѣмъ оставлять-съ. Можно и въ другой разъ.

Купецъ удаляется, нѣсколько обиженный. Пріятель мой отыскиваетъ шляпу.... входитъ, уже безъ доклада, господинъ воинственной наружности въ отставномъ военномъ сертукѣ, съ головою, нѣсколько наклоненною на сторону, что придаетъ ему несомнѣнное сходство съ довольно-извѣстнымъ генераломъ—Александромъ Филипповичемъ Македонскимъ.

Не вспомню теперь, что причинило тѣлесный недостатокъ покойнаго Македонскаго, — вошедшій къ моему пріятелю, какъ обнаруживается очень скоро, держитъ голову по образу недовоспитанной пристяжной лошади вслѣдствіе глухоты, которая приучила его подставлять постоянно ухо наименѣе глухое.

— Честь имѣю рекомендоваться: капитанъ *такой-то*. Наслышанъ много. Самъ пишу. Съ своимъ братомъ всегда пріятно знакомство.

Капитанъ становится въ драматическую позу, и начинаетъ декламировать декламировать *винегреть*, послѣ котораго и г. Диліеншвагеру, и Кузьмъ Пруткову, и г. Овчинникову, и г. Ананьевскому, и самому г. Бѣшпцову остается отыскать глубокую рѣку, еще не замерзшую, и броситься въ оную компаніей.

— Что? каково? спрашиваетъ капитанъ, послѣ перваго передоха.

— Размѣру нѣтъ, говоритъ надъ его ухомъ мой пріятель, учтивѣйшій изъ поэтовъ.

— Конца нѣтъ? До конца еще далеко.

И капитанъ продолжаетъ и....

Пріятель мой теряетъ терпѣніе, и рѣшается прокричать вымыселъ надъ ухомъ капитана:

— Извините, некогда! мать умираетъ.

Пораженный послѣднимъ словомъ, капитанъ останавливается.

— Жаль! до другаго раза. Увидимся.

Капитанъ скрывается.

Пріятель мой, употребивъ двѣ минуты на то, чтобы собраться съ мыслями, наконецъ уже въ передней. Онъ падѣваетъ калоши, — передъ нимъ неизвѣстный ему юноша, съ выраженіемъ нѣсколько растеряннымъ.

— Я имѣю честь говорить съ *такимъ-то*?

— Точно такъ.

— Васъ проситъ къ себѣ господа *такал-то*.

— Но я не имѣю чести ее знать!

— Какъ же-съ: они видали васъ у..... Они васъ очень хорошо знаютъ.

— Можетъ быть; я очень благодаренъ, но....

— Еслибы вы видѣли, въ какомъ они положеніи.

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь: я не докторъ, не повивальная бабка....

— Помилуйте-съ, они дѣвицы....

— Извините, я очень увѣренъ.....

Совершенно сконфуженный, по крайнему своему добродушію, пріятель мой, и самъ не зная какъ, оказывается сидящимъ въ дрожкахъ съ растеряннымъ юношей, а четверть часа спустя—въ довольно большой комнатѣ передъ дамой или дѣвицей, въ траурѣ, отъ тридцати пяти лѣтъ до семидесяти исключительно.

— Милостивый государь, говоритъ она, почти бросаясь на моего пріятеля,—напишите мнѣ романсъ къ музыкѣ, которую я сочинила. Я хочу посвятить этотъ романсъ одной высокой особѣ, чтобъ получить вспомошествованіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи. Пойдемте, взгляните на эти черныя печати (она хватаетъ моего пріятеля за руку, и ведетъ его въ другую комнату: пріятель мой видитъ, дѣйствительно, черныя печати): вы поймете меня!

Пріятель мой ничего не понимаетъ, считая себя искренно подъ влияніемъ кошмара.

— Чѣмъ же я могу быть вамъ полезнымъ? спрашиваетъ онъ, какъ во снѣ.

— Я написала музыку, а вы напишите мнѣ слова. Послушайте.....

И она садится за рояль, и начинаетъ играть что-то и плачевное, и дикое....

Пріятель мой щупаетъ себя за голову. У него захватываетъ дыханіе.

— Очень хорошо, говоритъ онъ—я напишу, будьте увѣрены.

Я не ручаюсь, чтобъ онъ въ это время не перекрестился подъ полою сертука.

Какъ онъ добрался до двери, какъ отыскалъ шубу и очутился дома, этого мой пріятель хорошенько не помнитъ. Два дня послѣ этихъ происшествій я засталъ его совершенно больнымъ.... Онъ пересталъ уже, правда, помышлять о переселеніи на другое полушаріе, на что было окончательно рѣшился въ первую минуту своей разлуки съ дамой, желавшей получить отъ него романсъ,—но отъ души прокликаетъ хорей и ямбы, и намѣренъ отнынѣ писать стихи прозой...

.... Въ Кречинскомъ, къ общему удовольствію, опять появился г. Шумскій. Роль эту, имъ созданную, московскій артистъ уступалъ г. Милославскому, что, по отношенію къ зрителямъ, было не великодушно.

Не я.

Редакторъ *Ө. Миллеръ*.